

Глава 1

ТЕОРИЯ ДВУХ ФОРМ РОДСТВА (Л.Г. МОРГАН)

В современной «антропологии родства», а попросту говоря, в исследованиях по родству, роль Льюиса Г. Моргана сводится к созданию исторической типологии систем родства, при критическом подходе сохраняющей свое значение до настоящего времени. Выделив два основных типа систем родства — описательный (арийский) и классификационный, он подразделил последний на два подтипа — малайский и турано-ганованский — в соответствии со способами слияния/разграничения прямых и боковых линий родства. В рамках этой типологии малайский подтип рассматривается как самый простой, следовательно, древнейший.

Согласно общепринятой методике описания систем родства, основывающейся на группировке родственников первого восходящего поколения, последовательность типов, выделенных Морганом, приобретает следующий вид.

Малайский	F = FB = MB	m = msr = fsr
Турано-ганованский	[F = FB] ≠ MB	[m = msr] ≠ fsr
Арийский	F ≠ [FB = MB]	m ≠ [msr = fsr]

Моргановская схема неоднократно подвергалась пересмотру в отношении как стратиграфии типов, так и самого принципа деления систем родства на описательные и классификационные. По сути, от самого Моргана остались только «принципы» построения «типологий родства». Все авторы ориентируются по двум выделенным им признакам, а именно — как происходит слияние/разграничение прямой и боковой, отцовской и материнской линий. В то же время, поскольку слияние/разграничение линий родства определяется по совпадению/несовпадению обозначений категорий родства, принадлежащих к различным линиям, Моргану стали приписывать создание первой типологии *систем терминов родства*, хотя он писал о *системах родства* (“systems of relationship”, “systems

of consanguinity and affinity”). В этом измерении вклад Моргана в изучение явлений родства не подразумевает необходимости анализа его теории за отсутствием или наивностью таковой.

Теоретическая заслуга Моргана видится в том, что он был первым, кто на строгих научных основаниях выделил множество «явления родства» как особую часть предмета этнографии, или, по известному выражению, «изобрел родство» — вне зависимости от того, как именно будет *определяться* само понятие родства (т.е. теоретический объект «родство»). Все остальное можно квалифицировать как следствие общего подхода. Конечно, в постановке проблемы и формулировках результатов еще чувствуется его профессиональное юридическое начало, которое заставляет его рассматривать факты родства в их соотнесенности с предметом семейного и брачного права. Однако в целом его позиция радикально отличается от позиции Макленнана, тоже юриста по образованию, который так и не вышел за рамки юриспруденции в своем стремлении проследить историю форм брака и семьи. В сущности, объяснения Макленнаном таких явлений, как брак похищением, экзогамия, полиандрия, женский счета родства, носят дедуктивный характер. Причем общие положения, от которых он отталкивается, негласно заимствуются из опыта европейской культуры [MacLennan 1876]. В противоположность этому, будучи по своим истокам полевым исследователем, Морган не мог не быть индуктивистом. Речь идет о том, что его теория, несомненно существующая, есть результат абстрагирования неевропейской реальности.

Изложение своих взглядов Морган начинает с постулата «отношения по браку образуют собой основу отношений родства (“relationships”)» [Morgan 1871: 10]. Эту мысль он поясняет, говоря о том, что семейные отношения существуют столько же, сколько сама семья, в силу закона размножения (“derivation”), проявляющегося в сохранении видов посредством брачных отношений. Система родства (“consanguinity”) является лишь «формальным выражением и официальным признанием» факта семейных отношений. Вокруг каждого индивида возникает круг или группа родственников (“kindred”), центром которой этот индивид выступает в качестве *Ego*, т.е. того, «от кого счет (“degree”) родства начинается и на ком заканчивается» [Morgan 1871: 10]. «Все потомки первоначальной пары, — пишет Морган, — посредством браков, играющих роль промежуточных звеньев, связаны между собой определенными сте-

пенями родства, близость или отдаленность которого является вопросом простого *подсчета* (курсив мой. — П.Б.)» [Morgan 1871: 11]. Таким образом, в работах Морганя речь идет скорее об абстрактном родстве (ср. понятие абстрактного труда).

Интересно, что в конечном счете генеалогическое понятие «первоначальной пары» при анализе систем родства Морганом никак не используется. Счет ведется от абстрактного *Ego*, синхронно, а не диахронно («генеалогически»). «Каждая система родства (“system of consanguinity”), — пишет Морган, — должна позволять вести отсчет вверх (“ascend”) и вниз (“descend”) вдоль прямой линии наследования (“lineal line”) на отдалении нескольких ступеней (“degrees”) от любого субъекта, точно устанавливая его отношение к *Ego*. Одновременно она должна позволять вести отсчет от прямой линии к нескольким боковым линиям для прослеживания и описания бокового родства на расстоянии в несколько поколений. При условии, что каждая такая схема родства и свойства́ будет полностью развернута (подобно карте? — П.Б.) и внимательно изучена, станет видно, что она построена в соответствии с четкими правилами (“definite ideas”) и постольку, поскольку она по своему содержанию представляет собой некий чертеж (“plan”), она способствует решению определенных задач» [Morgan 1871: 11]. И далее: «В целом... существуют только две радикально различающиеся формы родства (“forms of consanguinity”) среди наций, представленных в *таблицах* (“tables”). Одна из них — описательная (“descriptive”), другая — классификационная (“classificatory”). Первая форма, т.е. та, что свойственна арийской, семитической и уральской языковым семьям, отвергающая классификацию родственников по группам, за исключением тех случаев, когда речь идет об определении степени отдаленности родства (“numerical system”)¹, описывает боковых родственников по большей части путем приращения (“augmentation”) или соединения (“combination”) первичных терминов родства (“primary terms of relationship”). Эти термины, т.е. термины для обозначения мужа и жены, отца и матери, брата и сестры или сына и дочери (к ним можно добавить термины “дед” и “бабка”, “внук”

¹ Под «нумерической системой» Морган подразумевает то, что можно назвать «*n*-родностью»: «двоюродность», «троюродность» и т.п. Различие между людьми по степени родства определяется им как «нумерическое» (см.: [Morgan 1871: 11]).

и “внучка” для тех языков, в которых они существуют), таким образом, ограничивают свое значение тем смыслом, в котором они здесь употреблены. Все другие термины — вторичны. Таким образом, каждое отношение делается независимым и отличным от каждого другого. Но вторая форма, т.е. та, что свойственна туранской, американской, индийской и малайской языковым семьям, отвергающая описательные выражения в каждом случае и *объединяющая родственников в большие классы посредством ряда явно условных (“arbitrary”) приемов (“generalizations”)*, предполагает применение одного и того же термина ко всем членам данного класса. Рассматриваемая форма, таким образом, смешивает отношения, которые внутри описательных систем различаются, и расширяет значение как первичных, так и вторичных терминов, выводя термины за пределы их, казалось бы, природного смысла (курсив мой. — П.Б.)» [Morgan 1871: 11–12].

Суждение о различии между описательными и классификационными системами родства (соответственно между описательными и классификационными терминами родства) Морган *развивает* с помощью конкретного сравнения систем родства кельтов и ирокезов. Квалифицируя кельтские термины родства как чисто описательные, он подчеркивает, что выражение «брат отца» не только описывает определенное физическое лицо, но и подразумевает наличие некоторого реального отношения к этому лицу собственного отца *Ego*¹. «Точно так же, — пишет он, — сын брата моего отца, сын сестры моего отца, сын брата моей матери и сын сестры моей матери оказываются в одинаковом отношении ко мне на сходных основаниях; и это отношение выражается термином “кузен”. Как родственники, они находятся от меня на одном и том же расстоянии, но связаны со мной четырьмя различными способами. Использование таких терминов, тем не менее, не нарушает принципов описательных систем, но является лишь попыткой выразить рассматриваемые отношения в более краткой форме. С другой стороны, в системе языковых семей, упомянутых последними, соответствующие термины тоже существуют, но их применение к отдельным субъектам покоится на совершенно иных основаниях (“generalizations”) и используются они явно условным (“arbitrary”) образом. В языке иро-

¹ «The phrase “father’s brother” describes a person, but it likewise implies a bond of connection which *patruus* expresses to the concrete» [Morgan 1871: 12].

кезов-сенека, например, брат моего отца — это мой отец. В рамках данной системы он состоит со мной именно в таком родстве и никак иначе. Я обращаюсь к нему, используя тот же самый термин, — *Hä-nih'*, которым называю своего собственного отца. Напротив, мой брат матери — это мой дядя, *Hoc-no'-she*. Только с ним, а не с братом отца я связан этим отношением. Опять-таки, если я мужчина, сын моего родного брата — мой сын, *Ha-ah'-wuk*, как и мой собственный сын; в то же время сын моей сестры — это мой племянник, *H-uā-wan-da...*» [Morgan 1871: 13].

На основе подобных наблюдений Морган делает вывод, что главное отличие между описательной и классификационной формами родства состоит в способах проведения прямой и боковых линий родства. В первом случае они четко разграничиваются (боковые линии мыслятся отделенными от прямой), во втором случае они, наоборот, сливаются друг с другом (боковые линии мыслятся совпадающими с прямой) [Morgan 1871: 13]. И вновь (см. выше) в качестве решающего эксперимента, в подтверждение реальности наличия двух «форм родства» (“forms of consanguinity”), принципиально отличающихся друг от друга как по своим «фундаментальным концепциям», так и по своей «структуре», Морган предлагает анализ фактов родства с помощью «сравнительных таблиц» (“comparative tables”), т.е. списков местных терминов родства, поставленных в соответствие определенным денотатам («описаниям») и европейским терминам («переводам») [Morgan 1871: 13]. При сопоставлении таких списков легко выявляются различия в способах употребления терминов родства, побочным образом объединяющие системы родства в две группы глобального характера. Приведем небольшую «цитату» из таблицы тонганских терминов.

Description of persons	Relationship in Tonga	Translation
My father	Ekú tamái	My father
My father's brother	Ekú tamái	My father
My mother	Ekú fae	My mother
My father's brother's wife	Ekú fae	My mother
My mother's brother	Hoku tuajina	My uncle
My son	Hoku foha	My son
My brother's son	Hoku foha	My son
My brother's daughter's husband	Hoku foha	My son

Впоследствии исследователи ограничивались двумя первыми столбцами, выписывая подряд все денотаты, соответствующие данному термину. Сами термины выстраиваются «сверху вниз», от обозначений n -го восходящего до обозначений n -го нисходящего поколения, а денотаты внутри каждого поколения — по степени отдаленности от линии *Ego*. Конечно, при учете того факта, что денотаты, относящиеся к различным поколениям, могут обозначаться одним термином. Надо помнить, что некоторые излишества в способах записи проистекают из того, что здесь мы имеем дело с *постановкой эксперимента*, результаты которого не могли быть предугаданы заранее. Избыточность информации, содержащейся в третьем столбце, стала очевидной только после того, как в науке утвердилась идея разделения на описательные и классификационные системы родства, поскольку, во-первых, нас интересуют типы слияния и разграничения линий родства, о которых можно судить по совпадению/несовпадению терминов, а во-вторых, рубрика “Translation” есть не что иное, как рубрика “Relationship in English (Russian, German, French *etc.*)”. Именно с момента признания моргановской теории двух форм родства опасность европоцентризма, модернизации и прочих «искажений», связанных с «описанием терминов одной системы в терминах другой», отпала сама собой.

Итак, при сборе данных (лично или через корреспондентов) и в своих выводах Морган фактически применял метод табуляции систем родства. Этот метод заключается в вычитании из списка денотатов, сконструированного посредством «самонаблюдения» (по Вундту), денотатов, которые не соответствуют терминам родства местного языка. Техническая сторона этого метода под наименованием «методики сбора терминологий родства» достаточно хорошо изложена М.В. Крюковым: «В 1859 г. Морганом была составлена программа для записи терминов, содержавшая 234 пункта. Одна из граф таблицы (отношение родства) была заполнена Морганом, две другие (туземный термин и перевод этого термина на английский язык) были оставлены пустыми и заполнялись исследователем в процессе работы. Другими словами, информатору предлагались вопросы типа: “Как ты называешь отца своего отца, брата отца, сына брата отца?” и т.д. Для того чтобы исключить возможность пропуска какого-либо термина, Морган включил в свой вопросник пункты, касающиеся даже родственников в пятой боковой линии» [Крюков 1972: 20].

Коренным пороком этого метода М.В. Крюков считает его «абстрактность» (читай: искусственность, умозрительность, субъективность), поскольку «исходным пунктом в процессе установления значений терминов здесь являлся заранее сформулированный набор родственных отношений», когда исследователь «побуждал информатора конструировать такие комбинации родственных отношений, которые не существовали для него в действительности» [Крюков 1972: 20]. Но как иначе узнать, какие отношения существуют, а какие нет? На самом деле абстрактность «программы» Морганна является не ошибкой, а достижением, так как это абстрактность теоретического объекта. Перед нами не просто методика записи терминов, но нечто гораздо большее, а именно — алгоритм поиска и обработки данных о системах родства в целом. «Побуждая» своего собеседника конструировать различные комбинации родственных отношений, исследователь тестирует данную систему родства на актуальность тех или иных денотатов для представителей изучаемой культуры. При заполнении графы «местные термины» мы приобретаем точное знание о действующих денотатах и прежде всего о том, как те или иные денотаты ставятся в соответствие тем или иным терминам. Из сравнения конкретных таблиц денотатов деление на две особые формы родства вытекает совершенно естественным, объективным образом.

Помимо таблиц денотатов родства, Морган (вероятно, для большей наглядности) прибегает к инструментарию «диаграмм родства» (“diagrams of consanguinity”), показывая типы взаимного размещения субъектов родственных отношений в социальном пространстве. Таким образом, Морган впервые ввел само понятие диаграмм родства. Ниже одна из них «цитируется», другая приводится полностью (см. рис. 1, 2). Изменение типа линий соответствует тождеству/различию маркеров.

На диаграммах Морганна единый принцип построения, с точки зрения наличия/отсутствия тех или иных элементов, не всегда выдерживается, а семантика самих элементов определяется с помощью «переводов» на язык терминов европейских систем родства. Так что его диаграммы отображают еще скорее терминологии, чем системы родства (в этом отношении в качестве инструмента сравнительного анализа больше подходят его таблицы). Выше уже говорилось о том, что в процессе научной коммуникации на протяжении многих поколений теория Морганна преобразовалась из теории

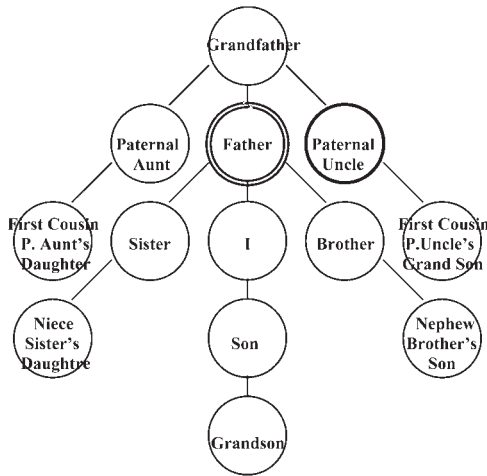

Рис. 1. Диаграмма родства англичан (сторона отца), по Моргану (1871)

систем родства в теорию терминологий родства. Немного забегая вперед, можно добавить, что и деление «малайский — турано-ганованский тип» действительно в большей степени отражает различие терминологий родства, чем систем родства, в значении структуры взаимоотношений между различными категориями родственников.

Однако диаграммы Морган при всем их несовершенстве представляют собой опыт доказательства принципиального различия между описательными и классификационными системами родства чисто графическими средствами, следовательно, хотя и в несколько искаженной форме проявляют то, что стоит *за* терминологиями родства. По крайней мере, из диаграммы родства ирокезов-сенека вытекает, что брат отца классифицируется с отцом, а дети брата — с собственными детьми *Ego*. Тем самым Морган открывает возможность графического решения («описания») систем родства. Постепенно понятие «системы родства» (“system of consanguinity”, “system of relationship”), которое Морган впервые ввел в научный оборот, приобретает значение «схемы родства и свойства» (“scheme of consanguinity and affinity”) [Morgan 1871: 11].

Как известно, современники Морган, весьма скептически рассматривавшие его научные достижения, особо подчеркивали, что классификационные системы родства никак не связаны с понятием кровного (биологического) родства, будучи собранием

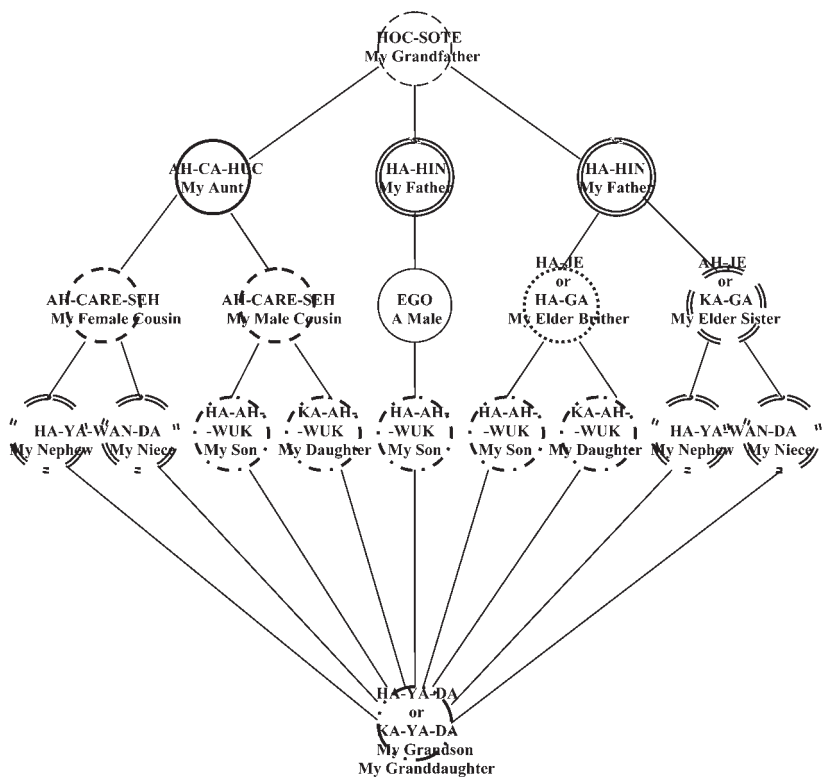

Рис. 2. Диаграмма родства ирокезов-сенека (сторона отца), по Моргану (1871)

«форм обращения». На самом деле его весьма авторитетные критики в удобной (или понятной) им терминологии лишь кратко сформулировали одну из лучших моргановских идей. Настаивая на том, что кровное родство выступает формальным выражением факта семейных отношений, Морган неявным образом высказал положение о социальном родстве, которое позже стало восприниматься как общее место¹. Когда дело доходит до принципов описания систем родства, на первый план Морганом выдвигается, собственно гово-

¹ Ср.: «Понятие родства не сводимо к биологическому (генетическому, кровному родству), что нашло свое выражение в термине “социальное родство”» [Попов 1990: 147].

ря, *негенеалогическое* прочтение родства. Безусловно, генеалогическое древо не очень эффективно как система поиска данных, но использование его Морганом никак не может быть истолковано как выражение идеи, что биологическое родство может быть единственным значением понятия родства вообще.

Критикуя Моргана с противоположной стороны, Малиновский упрекал его (в лице Риверса) в непонимании того, что для «среднего антрополога» родство — вопрос «плоти и крови, результат сексуальной страсти и материнской любви, повседневной интимной жизни и множества пересекающихся личных интересов», который невозможно свести к формулам, символам, тем более к уравнениям» [Malinowski 1930: 19]. Однако обвинение в «формализме» ведет к другой очень важной идее, если можно так выразиться, «освящающей» построения Моргана. Идея касается метода, который в наше время называют методом структурного анализа. В контексте его рассуждений использование древовидных диаграмм выступает как *формальный* (см. выше) способ представления элементов родства независимо от того, каково их содержание, физиологическое или социальное. В данном случае еще неосознанное требование структурного подхода идентично более ясно проступающему положению о том, что системы родства при всем их разнообразии поддаются табуляции и могут быть сведены к нескольким простым схемам.

Перспективно, т.е. зная точно, каким путем пошли исследования феномена родства после Моргана, возможные последствия его открытия можно пояснить с помощью такого сравнения. Вся информация о структуре той или иной «вселенной» родства проецируется (проступает) на ее внешнюю поверхность. Говоря примитивно, подобно географической карте, схема родства — это изображение «поверхности» родства, содержащее координатную сетку. В качестве линий «долготы» и «широты» выступают линии происхождения и линии поколений. Роль «экватора» выполняет линия поколения *Ego* («нулевая широта»), а роль «полюсов» — поколения, представляющие собой верхнюю и нижнюю границы данной системы родства. За «нулевую долготу» принимается прямая линия происхождения *Ego*. Единица счета родства — расстояние между смежными поколениями и соседними, боковыми линиями, измеряемое отношениями между ближайшими родственниками и выражаемое основными, или «первичными» (“primary”), терминами.

На практике в рамках поставленной задачи Морган вполне недвусмысленно действует в пользу различения понятий *системы отношений родства* и *системы терминов родства* [Morgan 1871: 11]. Выражаясь современным языком, его внимание было направлено на то, что находится «за текстом» (за терминологиями) родства. Иначе говоря, термины родства отображают отношения родства, а не наоборот. В качестве решения предлагается деление на две большие категории — описательные и классификационные формы родства. Господствующее в литературе мнение, согласно которому на страницах своей книги «Системы родства и свойства человеческой семьи» Морган рассматривает деления на две глобальные категории *терминологий* («номенклатур») родства, не соответствует действительности. Г.В. Дзибель уместно сказал, что Морган «обратил внимание на то, что при назывании родственников ирокезы-сенека руководствуются принципами, отличными от тех, которые цивилизованному европейцу кажутся очевидными и единственно возможными» [Дзибель 2001: 13]. Однако данное высказывание оказывается верным не только «в себе», но и «для себя» лишь при условии, что оно *значит не то, что значит*, если перефразировать известное изречение о мифе. Понятие «принципы называния родственников» находится в отношении совпадения объемов скорее с понятием «системы родства», чем с понятием «терминологии родства» (здесь имеет место отношение исключения объемов).

При анализе взглядов Моргана также необходимо учитывать, что вопреки распространенному мнению идея эволюции классификационных систем родства в описательные была им сформулирована не в столь категоричной форме, как это обычно принято подавать. Он оставляет открытым вопрос о том, в каком направлении шла эволюция: от описательных систем к классификационным, или, напротив, от классификационных — к описательным, или вообще те и другие имеют единый корень в предшествующей форме родства, которая «еще может быть открыта» [Morgan 1871: 13–15]. Хотя при взаимном наложении моргановского тезиса о том, что классификационные системы родства препятствуют, а описательные способствуют «дисперсии крови» (посредством выделения боковых линий), и тезиса о том, что формы родства соответствуют формам собственности и общества, уже можно было бы сделать вполне естественный вывод о метаморфозе классификационных систем родства в описательные. «Семантический сдвиг» в плане

придания теории Моргана логической стройности и простоты произошел в работах его критиков, которые привели ее к следующему виду: классификационные системы родства исторически предшествуют описательным, возникающим по мере усложнения форм собственности. В этом суть теории Моргана, которая до сих пор никем не опровергнута, но именно в таком непротиворечивом и компактном виде эту теорию гораздо удобнее «опровергать», заняв антиэволюционистские позиции a priori.

Собственные взгляды Моргана в указанном смысле имеют менее революционный оттенок. Переход от «номадических» к «цивилизованным» условиям существования должен сопровождаться заметными, но лишь количественными изменениями в системе родства. Например, в сторону «более жесткого разделения между несколькими линиями происхождения и более систематического описания субъектов или отношений внутри этих линий», если речь идет об описательных системах, или в сторону «бóльшей сложности классификации», если речь идет о классификационных системах [Morgan 1871: 13, 15]. Для него наличие/отсутствие описательных или классификационных терминов и соответствующих им реалий родства выступало в качестве этнического признака, привязанного к определенным территориям с населением, говорящим на языке, принадлежащем к той или иной языковой семье [Morgan 1871: 13, 15].

Незавершенность идеи эволюции классификационных систем родства в описательные обусловлена, с одной стороны, неверными оценками принадлежности конкретных систем родства к одной из двух постулируемых форм родства, с другой — непоследовательностью Моргана в отборе критериев различия между «цивилизованными» и «нецивилизованными» нациями. Хрестоматийно известно, что он уравнивал значение форм собственности и отдельных технических достижений. Однако ошибки, допущенные при идентификации системы родства, заставляют ошибаться в идентификации общего уровня развития культуры, и наоборот. Подобные недостатки естественны для теории в момент ее рождения. В частности, именно этим объясняются зловключения теории Моргана, связанные с понятиями «группового брака», «кровнородственной семьи» и т.п. Критики Моргана оказали ему неоценимую услугу, очистив его теорию от шлака неверных умозаключений, принимаемых за эмпирические факты.

Гораздо серьезнее на судьбе теории двух форм родства Моргана могло отразиться отсутствие четких определений самих понятий «описательное родство» и «классификационное родство», которые он справедливо трактует как «обратные» или «перевернутые» (“reverse”) относительно друг друга [Morgan 1871: 15]. К сожалению, в его терминологии, должествующей отражать особенности двух форм, тезис о противоположности двух форм родства не соблюдается до конца. Классификационные системы родства определяются им как системы, внутри которых термины родства объединяют группы людей. Эта, казалось бы, очевидная истина приводит к терминологической путанице, когда при первых же попытках привести конкретные примеры возникают противоречия, связанные с невозможностью разграничить описательные и классификационные системы родства [Крюков 1972: 34–35].

В свое время М.В. Крюков, полемизируя с Ю.И. Семеновым, писал о противоречивости определения классификационных систем родства посредством понятия «групповых терминов» [Семенов 1966: 31; Крюков 1972: 28]. Происходит это именно потому, что понятие «классификационные термины» сливается с понятием «групповые термины», т.е. термины, служащие для обозначения «группы родственников, находящихся в одних и тех же отношениях с говорящим» [Крюков 1972: 34–35]. Следуя этой логике, придется признать существование в русском языке только двух индивидуальных терминов родства, «отец» и «мать», все остальные — «классификационные». В качестве примера группового термина приводится слово «сын» в русском языке: «...у говорящего может быть несколько сыновей, каждый из которых находится в тех же родственных отношениях к своему отцу, что и все его братья» [Крюков 1972: 35]. М.В. Крюков попытался развести понятия «групповые термины» и «классификационные термины», определив последние как употребляемые «для обозначения не только нескольких лиц, но лиц, находящихся в различных родственных отношениях с говорящим» [Крюков 1972: 35]. Слово «сын» в русском языке полностью подпадает и под это определение, поскольку может обозначать отношение не только к родным сыновьям, но и к другим людям, даже к тем, с которыми невозможно проследить какие-либо родственные связи. Следовательно, с точки зрения данного определения, вообще любой термин родства является классификационным. С противопоставлением «элементарные — описательные термины» возника-

ют не меньшие трудности. Любой термин является описательным, поскольку может рассматриваться как способ описания индивида или группы индивидов. Под этим углом зрения классификационные термины выполняют функцию описания групп людей.

Конечно, все эти противоречия связаны с тем, что общепринятая классификация терминов родства составлена с нарушением довольно простых правил единства деления. Пожалуй, сам Морган не видел это логическое противоречие. С одной стороны, определяя европейские и другие системы родства как *описательные*, он указывал на то, что для них свойственно *описание* боковых родственников с помощью вторичных, т.е. *описательных*, терминов. С другой стороны, он указывал на то, что классификационная форма родства смешивает *отношения*, которые в описательных системах различаются, и расширяет *значение* как первичных, так и вторичных терминов родства. В чем здесь заключается противоречие, действительно не так просто уловить. Еще сложнее объяснить или сформулировать это противоречие.

Если исходить из собственной терминологии Моргана, классификационные системы родства *не описывают* боковых родственников, поскольку с классификационной точки зрения боковые отношения родства вообще не существуют. Поэтому, строго говоря, эти системы ему следовало бы назвать «неописательными». Однако это все-таки нельзя считать решением вопроса, поскольку на самом деле речь идет о выделении/невыведении в «особую статью» определенных *отношений* родства. Решением является соединение двух рассматриваемых утверждений Моргана в одно путем отбрасывания первого: классификационная форма родства смешивает отношения прямого и бокового родства, что выражается в использовании терминов, не различающих эти отношения. Правда, в таком случае понятие описательной формы родства не имеет смысла.

Впрочем, для нас анализ противоречий в классификации терминов родства является не целью, а лишь удобным поводом демонстрации софизма, который основан на подмене понятия «система родства» понятием «терминология родства» и который, в свою очередь, служит обоснованием так называемого лингвистического подхода. Как писал Малиновский, в реальности вообще не существует классификационных терминологий [Malinowski 1930: 29]. Это абсолютно правильное утверждение требует небольшого комментария. Собственно лингвистическими средствами (путем изучения фонетиче-

ского развития терминов родства или их этимологии) ставить и решать задачи в области родства невозможно по той простой причине, что лингвистические понятия в качестве метатеории не имеют здесь силы объяснения. Объективно деление на классификационные и описательные системы родства основано на различии не соответствующих терминологий, а отношений между людьми по поводу обмена услугами в сфере ритуального или ритуализованного поведения.

По закону исключенного третьего в свои права вступает этнография. В нашем случае это означает признание того факта, что посредством классификационных терминов родства происходит группирование не людей, а денотатов. В этом аспекте определение М.В. Крюкова кажется очень точным: «Классификационным можно считать отнюдь не каждый термин, относящийся к группе лиц, а лишь термин, служащий для обозначения лиц, связанных с Эго различными отношениями родства» [Крюков 1972: 29]. Классификационный термин группирует различные денотаты, например денотаты «отец» и «брат отца». Репликация этого действия идентична функционированию классификационных систем (отношений) родства. Как уже упоминалось, Морган говорил о том, что классификационные системы родства основаны на объединении отношений родства в большие классы посредством ряда «условных приемов», предполагающих применение одного и того же термина (в качестве инструмента. — П.Б.) ко всем членам образуемого класса.

В этом состоит системообразующий для классификационной формы родства принцип — принцип слияния прямой и боковых линий (т.е. вертикальных линий денотатов), если под боковой линией понимать линию, *отходящую от прямой*. Данный принцип, не сформулированный словесно, проявляется при сравнении диаграмм Моргана. Например, линия брата матери (=отца матери) является по отношению к линии *Ego* не боковой, а параллельной, поэтому при использовании генеалогического метода составления диаграмм данную линию родства¹ приходится помещать на отдельном листе.

¹ В терминах обыденного языка речь идет о стороне матери/отца, или материнской/отцовской стороне семьи. Обыденная речь в значении обычной, или связанной обычаем, символична сама по себе, следовательно, хранит в себе реликты классификационного поведения (см. выше тезис Моргана о том, что отношения по браку, или семейные отношения, образуют собой основу отношений родства).

В современном русском языке существует термин «дядя», классифицирующий денотаты «брат отца» и «брат матери», но нет такого термина, который бы классифицировал денотаты «отец» и «брат отца». Это еще раз доказывает, что сами по себе, просто как термины языка, термины родства, скажем, в языках коренного населения Австралии по своей природе ничем не отличаются от терминов родства в русском, английском или французском языках. Различие возникает на уровне прагматики, при соприкосновении с внеязыковой реальностью. Еще раз подчеркнем: дело не в том, *какими* терминами пользуются носители данной культуры, а в том, *как* они ими пользуются. Этими вопросами занимается этнография.

Вследствие сказанного выше при характеристике классификационных систем родства необходимо отказаться от деления систем родства по признаку наличия/отсутствия таких признаков, как «описательные термины» или «групповые термины». А учитывая тот факт, что множество «классификационные системы родства» форма и множество «описательные системы родства» находятся в отношении обратного отображения, последнее правильнее обозначать с помощью термина «неклассификационные системы родства»¹. Данный неологизм является терминологическим решением противоречий, связанных с употреблением понятия «описательные системы родства», и в то же время хорошо согласуется с построением таблиц родства в качестве метода анализа систем родства.

В интересующем нас плане единственный, по-настоящему существенный недостаток метода табуляции систем родства, разработанного Морганом, заключается прежде всего в том, что это метод изучения систем родства, смешивающий две стадии исследования: сбор денотатов и сравнительный анализ списков денотатов. Вероят-

¹ Принятый с некоторых пор термин «линейные системы» в качестве синонима термина «описательные системы» сложно использовать в силу его неоднозначности. Как слияние, так и разделение тех или иных линий родства одинаково предполагает свойство линейности. Такой же неопределенностью страдает и общепризнанный антоним термина «линейность» — «бифуркация». Его исконное значение — «ветвление». Следовательно, в графическом выражении этот термин подразумевает проведение непараллельных прямых, восходящих к одной точке. В этом смысле понятие бифуркации больше подходит для описания процесса расхождения между прямой и боковыми линиями родства именно в «линейных» системах родства.

но, это связано еще и с тем, что задача изучения систем родства ограничивается изучением систем денотатов. Создается впечатление, что системы родства существуют и, следовательно, могут рассматриваться изолированно от их многообразного настоящего, от той среды индивидуальных человеческих отношений, к которой они принадлежат и которую они упорядочивают (в рассматриваемом аспекте протест Малиновского по поводу превращения живых человеческих отношений в мертвые формулы выглядит справедливым). Именно отсюда возникает и подсознательное стремление отнестись к их собственное этнографическое настоящее к прошлому, конструируя мифические стадии развития семьи и даже целые формации (с этим связано приписывание терминологиям родства роли «исторического источника»). Действительно, ограничиваясь анализом списков терминов родства вне принадлежащей им «социальной» среды, мы, если хотим получить хоть какой-нибудь результат, не оставляем себе никакого другого выбора, кроме одного: трактовать реально существующие терминологии родства в качестве реликтов прошлых состояний.

Например, с помощью описываемого метода, в том виде, в каком мы находим его в работах Морган, довольно просто продемонстрировать различие английской и австралийской терминологии родства, получив право выдвигать гипотезу о различии внеязыковой реальности родства, которую эти терминологии представляют. При всей убедительности диаграмм, приводившихся выше, в них соединены два по сути противоположных принципа — распределения значений терминов родства и взаимного размещения в пространстве родства соответствующих денотатов. Если внести некоторые необходимые поправки, система родства сенека со стороны отца должна выглядеть как простое бинарное дерево с двумя поддеревьями, заданными узлами «отец» и «сестра отца». Английская система родства изображена Морганом правильно, в виде небинарного дерева, что наглядно (из-за невозможности использования образа бинарного дерева) показывает сущностное различие между двумя постулируемыми формами родства.

Таким образом, метод Морган в его первоначальном виде не всегда обеспечивает, а в чем-то даже затрудняет вход в сферу прагматики родства (сферу отношений между терминами родства и людьми). Он не содержит возможность автоматического — мотивированного постановкой конкретной научной задачи — доступа

к системе отношений родства, которая отображается и регулируется определенным набором терминов. Причина кажется очевидной. Структура текстов родства (терминологий) и структура счета родства (система денотатов родства) по определению не могут полностью совпадать друг с другом. Главная заслуга Моргана состоит в эмпирическом обосновании возможности табуляции систем родства (“tables”) и фактическом использовании диаграмм (“diagrams”) как средства доказательства положения о существовании двух противоположных форм родства.